

Жертвенная звезда

Автор:

[Фрэнк Герберт](#)

Жертвенная звезда

Фрэнк Герберт

Вселенная Консента #1Эксклюзивная классика (АСТ)

Фрэнк Герберт (1920–1986) – американский писатель-фантаст, известный во всем мире как автор знаменитой фантастической саги «Хроники Дюны». Однако творческое наследие автора не ограничивается этой прославленной эпопеей. Его роман «Жертвенная звезда» может поспорить с «Солярисом» Лема по оригинальности идеи и философской глубине. Не говоря о том, что это просто очень занимательная фантастика, в которой есть детально и вкусно прописанный мир далекого будущего, межзвездные полеты и захватывающие приключения агента галактической спецслужбы.

Может ли звезда быть разумным существом? И может ли человек наладить контакт с носителем настолько чуждого иного разума? Особенно – когда счет идет буквально на дни? Ведь в случае неуспеха эта разумная звезда, во исполнение некоего загадочного договора, добровольно примет мучительную смерть – смерть, которая в свою очередь повлечет катастрофические последствия для всей Вселенной?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Фрэнк Герберт

Жертвенная звезда

Frank Herbert

WHIPPING STAR

© Frank Herbert, 1970

© Перевод А. Анваер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

С любовью и восхищением посвящается Лертону Блессингейму – только благодаря ему нашлось время на написание этой книги

* * *

Агент БюСаба должен начать свою деятельность с изучения лингвистических моделей и пределов актуальных действий (обычно добровольных), имеющих ценность в тех обществах, с которыми связана его текущая миссия. Агент должен искать и находить данные о тех функциональных отношениях, каковые образуются из универсальных закономерностей нашей общей вселенной и возникают из взаимозависимости сообществ. Такие взаимозависимости часто являются первыми жертвами иллюзий, порожденных словами. Общества, опирающиеся на невежество в отношении исходных взаимозависимостей, рано или поздно погружаются в застой и гниение. Надолго застывшие в развитии, такие общества погибают.

(Из руководства для агентов БюСаба)

Звали его Фурунео. Таково его имя. Да, Аличино Фурунео. Он еще раз напомнил себе об этом, въезжая в город, откуда собирался выйти на сеанс дальней связи.

Неплохо было бы подготовить свое эго перед вызовом. Алично было шестьдесят семь лет, и он помнил множество случаев, когда люди теряли представление о собственной личности, впадая в смешливый транс во время сеанса связи между звездными системами. Этот фактор неопределенности в большей степени, нежели безумная стоимость и тошнотворное ощущение от контакта с тапризиотом-передатчиком, надежно ограничивал число сеансов межгалактической связи. Но делать было нечего, Фурунео понимал, что никому не может доверить разговор с Джорджем К. Макки, чрезвычайным агентом саботажа.

В том месте, на планете Сердечность звездной системы Сфич, где сейчас находился Фурунео, было восемь часов восемь минут утра.

– Кажется, это будет нелегко, – буркнул он в сторону исполнителей, ухитрившись при этом не обращаться к ним, – он прихватил их с собой на всякий случай, чтобы оградить себя от ненужного общения и нежелательных контактов.

Те даже не стали кивать, понимая, что никто не ждет от них ответа.

В воздухе до сих пор веяло ночной прохладой, которую нес к морю ветер с заснеженных вершин горы Билли. Они прибыли сюда, в город Раздельный, из горной крепости, где обосновался Фурунео, прибыли в простой машине, не стараясь скрыть или замаскировать свою принадлежность к Бюро Саботажа, но и не привлекая особого внимания. У многих сознающих были веские причины обижаться на Бюро.

Фурунео остановил машину за чертой пешеходной зоны города, а сам вместе с исполнителями, как самый заурядный обыватель, направился в город на своих двоих.

Прошло уже целых десять минут с тех пор, как они вошли в приемную этого дома. Здесь размещался центр селекции тапризиотов – один из двадцати существующих во всей вселенной. Это была большая честь для такой занюханной планеты, как Сердечность.

Помещение приемной не превышало пятнадцати метров в ширину и тридцати пяти в длину. Коричневые стены были покрыты множеством ямок, как будто вначале эти стены были сложены из мягкой глины, в которую кто-то долго,

повинуясь своим случайным капризам, швырял маленький мячик. Справа от того места, где стояли Фурунео и его исполнители, находился высокий помост, протянувшийся на три четверти длины большей из стен. Многогранные вращающиеся светильники отбрасывали пятнистые тени на фасад помоста и на стоящего на нем тапризиота.

Тапризиоты обладали странным телом, похожим на распиленные вдоль, обгоревшие ели. Из стволов этих «елей» торчали похожие на обрубки конечности, а речевые отростки вибрировали даже тогда, когда их обладатели молчали. Стоящий на помосте экземпляр отбивал нервный ритм своим опорным обрубком.

Фурунео в третий раз за десять минут спросил:

– Это ты передатчик?

Ответа, как и в предыдущие два раза, не прозвучало.

Такие уж они, эти тапризиоты. Они не понимали, что значит злиться. Тем не менее, Фурунео дал волю своему раздражению. Чертовы тапризиоты!

Один из исполнителей за спиной Фурунео демонстративно откашлялся.

Будь проклята эта неторопливость! – подумал Фурунео.

Все Бюро стоит на ушах после экстренного сообщения о деле Эбниз. Дело это не терпело ни малейшего отлагательства – в этом Фурунео был на сто процентов уверен; и вызов, который он собирался сейчас сделать, мог стать первым настоящим прорывом. Возможно, это самый важный вызов, какой он когда-либо делал в своей жизни. Между прочим, он собирался связаться не с кем-нибудь, а с самим Макки.

Солнце, выглянувшее из-за вершины горы Билли, окутало Фурунео ореолом оранжевых лучей сквозь стеклянные двери.

– Похоже, мы тут долго проторчим с этими таппи, – негромко произнес один из исполнителей.

Фурунео коротко кивнул. За свои шестьдесят семь лет он освоил несколько степеней терпения, и это знание помогло ему подняться по служебной лестнице и занять, наконец, нынешнее положение планетарного агента Бюро. Оставалось только одно: спокойно ждать. Тапризиоты, по каким-то непонятным, ведомым только им причинам, никогда ничего не делали сразу. Им всегда требовалось время. Никакой другой лавки, где Фурунео мог бы купить требуемую ему услугу, просто не существовало в природе. Без тапризиота-передатчика невозможно осуществить связь между звездными системами в режиме реального времени.

Странно, но этот талант тапризиотов все сознающие использовали, совершенно не понимая, как он работает. Правда, в прессе не было недостатка в сенсационных теориях относительно этого великого феномена, и одна из них могла оказаться правильной. Наверное, тапризиоты пользовались тем же способом, каким пан-спекки обменивались данными со своими генетическими копиями в колыбелях – то есть сами не понимая, что и как они при этом делают.

Сам Фурунео был на сто процентов уверен, что тапризиоты каким-то образом искривляют пространство – наверное, так же, как калібаны скручивают его в своих люках, позволяющих скользить по измерениям пространства. Если, конечно, калібаны делают именно это. Многие специалисты отвергали такую гипотезу, утверждая, что для подобных перемещений нужна энергия, производимая звездой изрядной величины.

Впрочем, что бы ни делали тапризиоты при установлении межгалактической связи, у человека для этого должна была нормально работать шишковидная железа, а у других сознающих – аналог железы.

Тапризиот на помосте принялся раскачиваться из стороны в сторону.

– Кажется, мы все же до него достучались, – обрадовался Фурунео.

Он подобрался и подавил недовольство. В конце концов, это же центр селекции тапризиотов. Ксенобиологи утверждают, что размножение тапризиотов целиком и полностью зависит от укрощения и приручения, но что они знают, эти ксенобиологи? Достаточно вспомнить, что они натворили, когда изучали со-разум пан-спекки.

– Путча-путча-путча, – заверещал тапризиот, дико вращая речевыми отростками.

- Что-то не так? - спросил один из исполнителей.

- Откуда я могу знать? - огрызнулся Фурунео. Он посмотрел на тапризиота и спросил: - Ты передатчик?

- Путча-путча-путча, - снова залопотал тапризиот. - Это замечание, которое я сейчас переведу на язык, понятный сознающим, происходящим с Солярной Земли. Я сказал следующее: «Я сомневаюсь в вашей искренности».

- Вы собираетесь доказывать свою искренность этому поганому обрубку? - поинтересовался исполнитель. - Сдается мне...

- Тебя никто не спрашивает, - оборвал его Фурунео. Любая агрессивная реплика тапризиота на самом деле могла быть сердечным приветствием. Неужели этот идиот не понимает таких простых вещей?

Фурунео отошел от исполнителей, пересек помещение и встал перед помостом.

- Я хочу связаться с чрезвычайным агентом саботажа Джорджем К. Макки, - сказал он. - Ваш робот-привратник распознал меня и принял мою расписку по кредиту. Ты передатчик?

- Где находится этот Джордж К. Макки? - спросил тапризиот.

- Если бы я это знал, то отправился бы к нему лично через люк, - ответил Фурунео. - Это очень важный вызов. Ты передатчик?

- Дата, время и место, - отчеканил тапризиот.

Фурунео вздохнул и расслабился. Оглянувшись, он посмотрел на исполнителей, знаком заставил их занять позиции у двух дверей и подождал, когда они выполнят приказ. Нельзя, чтобы этот разговор подслушала хоть одна живая душа. Он снова обернулся к тапризиоту и выдал ему требуемые пространственные координаты.

- Ты будешь сидеть на полу, - сказал тапризиот.

– Спасибо бессмертным, – пробормотал Фурунео. Однажды другой такой тапризиот отвел его в дождь и непогоду на склон горы, заставил лечь на склон вниз головой и в таком положении осуществил межгалактическую связь. Кажется, у тапризиотов это называлось «очисткой погружения» – что бы это ни означало. Тогда Фурунео сообщил об инциденте руководству, в центр данных Бюро, где ему сказали, что когда-нибудь секрет тапризиотов будет разгадан. После того вызова он несколько недель провалялся с инфекцией верхних дыхательных путей.

Фурунео сел.

Черт, какой же холодный здесь пол!

Фурунео был рослым мужчиной под два метра. Весил он восемьдесят четыре стандартных килограмма. У него были черные волосы с проседью на висках. Фурунео отличался массивным толстым носом и широким ртом со странно выпрямленной нижней губой. Он изменил позу, чтобы снять нагрузку с левого бедра. Когда-то один возмущенный горожанин сломал ему ногу, узнав, что Фурунео работает на Бюро. Эта травма посрамила всех врачей, которые в один голос утверждали, что перелом не будет ни капли беспокоить, когда срастется.

– Закрой глаза, – велел тапризиот.

Фурунео повиновался, попытавшись устроиться еще удобнее на холодном и твердом полу, но отказался от этой попытки, осознав ее полную тщетность.

– Думай о контакте, – приказал тапризиот.

Фурунео подумал о Джордже К. Макки, явственно представив себе этого приземистого коротышку с ярко-рыжими всклокоченными волосами и выражением лица расвирепевшей лягушки.

Контакт начался с навязчивого, прилипчивого и страшно надоедливого осознания. В своем воображении Фурунео превратился в красный поток, поющий под мелодичный звон струн серебряной лиры. Тело, казалось, отделилось от сознания. Сознание теперь парило над странным незнакомым ландшафтом. Бесконечный круг неба замыкался медленно вращающимся горизонтом. Он физически ощутил свое погружение в невыносимое межзвездное одиночество.

Десять миллионов чертей!

Эта мысль буквально взорвалась в мозгу Фурунео. Он не мог от нее уклониться. Он сразу ее узнал. Контактеры часто возмущались неожиданными вызовами. Тем не менее, отклонить его они не могли, независимо от того, чем они в этот момент занимались. Правда, они могли продемонстрировать вызывающему свое недовольство.

– Вот всегда так! Всегда!

Видимо, теперь Макки полностью пришел в сознание, шишковидная железа заработала в полную силу, приняв межзвездный вызов.

Фурунео спокойно переждал поток проклятий и ругательств. Когда он иссяк, Фурунео представился:

– Прошу прощения за неудобства, причиной которых я, вероятно, стал, но курьер, передавший экстренное сообщение, не смог сказать, где вы. Вы же понимаете, что я не стал бы вас вызывать, если бы дело можно было бы хоть ненадолго отложить.

Начало было стандартное.

– Откуда я могу знать, насколько важен ваш вызов? – ехидно поинтересовался Макки. – Кончайте пустую болтовню и переходите к делу!

Такой несдержанности Фурунео не ожидал, даже зная нрав Макки.

– Я оторвал вас от чего-то важного?

– У меня сегодня развод! Вы застали меня в телепортационном суде! – воскликнул Макки. – Вы можете себе представить, как тут все веселятся, глядя, как я что-то бормочу и хихикаю в смешливом трансе? Ближе к делу!

– Вчера ночью на берег близ города Раздельного на планете Сердечность вынесло пляжный мячик калібана, – сказал Фурунео. – После всех последних

смертей и случаев сумасшествия, после экстренного сообщения из Бюро я решил незамедлительно связаться с вами. Ведь вы до сих пор отвечаете за это дело, не так ли?

- Это ваша манера шутить? - язвительно поинтересовался Макки.

«На смену бюрократии», - вспомнил Фурунео старую максиму Бюро. Он не произнес эту фразу вслух, но Макки отчетливо уловил настроение агента.

- Ну! - требовательно произнес Макки.

Неужели Макки действительно просто хочет вывести его из себя, подумал Фурунео. Ну почему главная функция Бюро - тормозить деятельность правительства - сохраняет свою силу и во внутренних делах БюСаба, например в деле, касающемся этого вызова? Агентам вменялось в обязанность злить и выводить из себя правительственных чиновников, потому что гнев позволял выявить людей с неустойчивым характером, людей, неспособных контролировать эмоции и ясно мыслить в условиях психологического стресса. Но зачем так вести себя в ответ на важный вызов своего же товарища, сотрудника Бюро?

Некоторые из этих мыслей, видимо, просочились в передатчик, потому что Макки ответил на них, и в его голосе послышалась нескрываемая насмешка.

- У вас была масса времени, чтобы выбросить из головы этот вздор! - поддел он.

Фурунео вздрогнул и взял себя в руки, снова овладев своим «я». Да, он едва не утратил над ним контроль. Он чуть не потерял свое эго! Только резкое предостережение Макки привело его в чувство. Теперь он заново переосмыслил то, что сказал ему чрезвычайный агент. Дело не в том, что Фурунео прервал процедуру развода, ведь, если верить слухам, коротышка Макки был женат не меньше пятидесяти раз.

- Вас еще интересует мячик калібана? - напомнил Макки Фурунео.

- Он внутри сферы?

- Вероятно, да.

- Вы этого не выяснили? - По тону чрезвычайного агента Фурунео понял, что ему была доверена деликатнейшая операция, которую он по своей врожденной тупости провалил.

Теперь, готовый к любой, даже невысказанной угрозе, Фурунео ответил:

- Я действовал согласно полученным приказам и инструкциям.

- Приказам и инструкциям! - издевательски произнес Макки.

- Сейчас мне следует разозлиться? - спросил Фурунео.

- Я прибуду к вам, как только смогу - самое позднее через восемь стандартных часов, - сказал Макки. - Сейчас ваш приказ заключается в неусыпном наблюдении за пляжным мячиком. Сотрудникам необходимо дать по дозе гневина. Это их единственная защита.

- Неусыпное наблюдение, - повторил Фурунео.

- Если появится калекбан, то ваша задача любыми средствами задержать его.

- Задержать... калекбана?

- Займите его беседой, предложите сотрудничество, делайте все, что угодно, - сказал Макки. Ментальные волны подсказали Фурунео, что тот считает странным напоминать агенту Бюро о его прямой обязанности - вставлять палки в колеса любым учреждениям и людям.

- Восемь часов, - произнес Фурунео.

- И не забудьте о гневине.

* * *

Бюро – это живой организм, а бюрократ – одна из его клеток. Эта аналогия учит нас распознавать самые важные клетки, понимать, откуда исходит наибольшая опасность, кого легче всего заменить, и насколько просто и легко быть посредственностью.

(Поздние труды Билдуна IV)

Макки, пребывавший тем временем на планете медового месяца Туталси, дал себе час на то, чтобы покончить с формальностями очередного развода, а потом вернулся в плавучий дом, который они причалили к острову цветов любви. Да, ему не помог даже дающий забвение напиток Туталси, подумалось Макки. Его брак оказался пустой тратой сил и времени. Его, теперь уже бывшая, жена недостаточно хорошо знала Млисс Эбниз, несмотря на их прошлую близость и сотрудничество. Но то было в другом мире и на другой планете.

Эта последняя жена была пятьдесят четвертой по счету. Цветом кожи она была светлее остальных, но зато превосходила их сварливостью. Это был не первый ее брак, и она практически сразу заподозрила неладное в поведении Макки.

Подобные размышления заставили его ощутить свою вину, но он усилием воли решительно отбросил ненужные и вредные мысли. Времени на любезности и хороший тон у него не было. Слишком высоки были ставки. Глупая баба!

Она уже освободила плавучий дом, и Макки явственно ощущал возмущение живой лодки. Он, Макки, разрушил, вдребезги разбил идиллию, которую с таким тщанием создал дом. Жилище снова станет любезным и уютным после отъезда нынешнего хозяина, ведь это очень нежные создания, подверженные, как и все сознающие обитатели вселенной, раздражению.

Макки принялся собирать вещи, оставив в сторону футляр с инструментами и оружием. Он внимательно пересмотрел содержимое: набор стимуляторов, пластики, взрывчатка разных типов, излучатели, отмычки, пентраты, пакет с запасной плотью, мази, минипьютер, тапризиотский монитор жизненных функций, голографический сканер, фиксаторы изображений, лингвистические компараторы... все на месте. Футляр был очень компактным и формой напоминал бумажник, который Макки сунул во внутренний карман своей неприметной поношенной куртки.

В отдельную сумку он уложил смену белья и одежду, решив все остальные свои пожитки оставить в хранилище БюСаба. Он запечатал их в пакет и оставил для курьеров на паре собако-кресел. Кажется, эти твари полностью разделяли недовольство дома. Они даже не шелохнулись, когда он ласково потрепал их по шелковистым спинам.

Ах да...

Он все еще чувствовал себя виноватым.

Макки вздохнул и достал ключ S-глаза. Этот прыжок будет стоить Бюро немислимых денег. Сердечность находилась на другом краю вселенной.

Люки перескока работали исправно, но Макки очень не нравилось, что свое путешествие он совершит через устройства, зависящие от калевана. Чудовищная ситуация. Люки перескока стали настолько обыденной вещью, что большинство сознающих воспринимало их как некую непреложную данность. Макки и сам разделял это убеждение до получения экстренного сообщения. Но теперь настала пора задавать неприятные вопросы. Подобное бездумное принятие означало лишь то, что всякую мысль можно легко направить в желаемое русло. В этом заключается главная слабость всех сознающих. Калеванские люки перескока были приняты Советом Конфедерации сознающих существ около девяноста стандартных лет назад. Но в то время было известно лишь о восьмидесяти трех заявивших о себе калеванах.

Макки подбросил ключ и ловко поймал его.

Когда-то калеваны разрешили сознающим использовать портал перемещения. Но почему они поставили жесткое условие: называть его S-глазом? Что важного было для калеванов в этом названии?

Мне давно пора отправляться, сказал себе Макки. Тем не менее, он медлил.

Восемьдесят три калевана.

Экстренное сообщение недвусмысленно требовало сохранения тайны и содержало извещение о необъяснимой проблеме: калеваны исчезали один за

другим. Исчезали – если, конечно, можно так сказать о поведении видимой, физической оболочки калебанов. Каждое такое исчезновение сопровождалось волной смертей и безумия сознающих.

Понятно, почему решение этой проблемы было поручено Бюро Саботажа, а не полицейскому агентству. Правительство вредило, как могло: могущественные люди спали и видели, как дискредитировать БюСаб. Особенно Макки беспокоило, что именно он был избран тем сознающим, который должен был заняться этим делом.

Кто меня так сильно ненавидит? – подумал он, соединяя свой персональный ключ с люком перескока. Ответ был неутешительным: его ненавидели многие, возможно миллионы людей.

Люк перескока тихо загудел, но за этим тихим гулом крылась исполинская энергия. Воронкообразный проход раскрылся. Макки напрягся, чтобы преодолеть тягучее сопротивление люка, и вошел в портал. Было такое впечатление, что воздух – обычный на вид воздух – превратился в вязкую патоку, по которой теперь плыл Макки.

Он оказался в непритязательном, ничем не примечательном кабинете: обычный стол, заваленный всяким хламом; индикаторы сигнализации на потолке; из огромного, во всю стену, окна открывался вид на склон горы. В отдалении виднелись крыши Раздельного, теснившиеся под тусклыми серыми облаками; за крышами была видна серебристая гладь моря. Имплантированные в мозг Макки часы подсказали ему, что был вечер, шел восемнадцатый час двадцатишестичасовых суток Сердечности – планеты, удаленной на двести тысяч световых лет от планетарного океана системы Туталси.

С резким звуком, напоминавшим треск электрического разряда, за спиной Макки закрылась вихревая труба люка перескока. Слабый запах озона разлился по комнате.

Макки мысленно отметил, что собако-кресла в кабинете были отлично вышколены и чувствовали, что нужно хозяину. Одно из них мягко толкнуло его под колени, заставив сесть, и принялось массировать уставшую спину. Вероятно, сиденье было запрограммировано успокаивать клиентов перед делами.

Макки постепенно привыкал к окружающей его нормальной обстановке, когда в коридоре слышались шаги какого-то сознающего. Судя по шаркающей походке, это урив: они все подволакивают опорную ногу. Слышался приглушенный разговор, и Макки показалось, что говорят на галакте, хотя, возможно, беседа шла и на разных языках.

Макки поерзал на кресле, и оно тотчас начало волнообразно ундулировать, чтобы успокоить сидящего на нем человека. Макки стало тяготить вынужденное безделье. Где Фурунео? Теперь Макки ругал себя за несдержанность. Наверное, у Фурунео, как у планетарного агента БюСаба, было много других обязанностей, и он просто физически не мог оценить неотложность возникшей новой проблемы. Вероятно, это одна из тех планет, где остро ощущается нехватка агентов. Бессмертные боги знают, что сотрудники Бюро никогда не остаются без работы.

Макки задумался о своей роли в делах, которые касались мыслящих обитателей мира. Когда-то, много столетий назад, сообщество сознающих с заложенным в них побуждением «творить добро» захватило власть. Не задумавшись о мучительных сложностях, комплексах вины и стремлении к самоистязанию, лежавших в глубине этого стремления, они упразднили всю волокиту, все задержки в отправлении административных функций правительственных чиновников. Огромный механизм государственной власти, обладающий невероятным могуществом, заработал с умопомрачительной, поистине устрашающей быстротой. Маховик вращался все быстрее и быстрее, законы предлагались и утверждались в течение часа. Ассигнования выделялись мгновенно и тратились в течение самое большее пары недель. Было учреждено множество бюро и комитетов с самыми немыслимыми и разнообразными функциями; они размножались, как свихнувшиеся грибы.

Правительство превратилось в огромную разрушительную и абсолютно неуправляемую силу. Скорость действий была такой ошеломляющей, что правительство обращало в хаос все, к чему прикасалось.

Горстка сознающих, пришедших в отчаяние от ужаса, создала Корпус Саботажа для того, чтобы замедлить вращение маховика власти. Поначалу эти действия сопровождалась насилием и кровопролитием, но главной цели удалось добиться: правительство стало работать медленнее. Со временем Корпус был преобразован в Бюро, а Бюро стало тем, чем оно оставалось и сегодня – организацией, нашедшей собственный коридор энтропии, группой сознающих,

предпочитавших тихую подрывную деятельность открытому насилию. Тем не менее, агенты Бюро были готовы применять и силу, если в этом возникала необходимость.

Справа от Макки открылась дверь. Собака застыла на месте. В комнату вошел Фурунео, нервно приглаживая седеющие волосы над левым ухом. Губы были плотно сжаты в прямую линию, придавая лицу горькое выражение.

– Вы прибыли раньше времени, – сказал он, потрепал по холке второе кресло, подогнал его к креслу Макки и сел напротив.

– Это надежное место? – спросил Макки. Он оглянулся и посмотрел на стену, сквозь которую попал сюда с помощью S-глаза. От люка перескока не осталось ни малейшего следа.

– Я переместил дверь обратно вниз, к ее исходной трубе, – сказал Фурунео. – Это надежное место, самое надежное из всех, что я могу предложить.

Он выпрямился, ожидая объяснений Макки.

– Сфера все еще на месте? – Макки повернул голову в сторону окна, за которым виднелось море.

– Мои люди получили приказ немедленно известить меня, если мячик сдвинется с места, – сказал Фурунео. – Его вынесло на берег моря, как я уже докладывал. Он застрял в расщелине скалы и с тех пор не двигается.

– Он сам застрял?

– Думается, что да.

– Есть признаки того, что внутри кто-то есть?

– Мы пока ничего не видим. Похоже, что сфера немного... э... повредилась от удара. На ней есть несколько вмятин и глубоких царапин. Но в чем, собственно, проблема?

- Вы, несомненно, слышали о Млисс Эбниз?

- Ну кто же о ней не слышал?

- Недавно она потратила несколько своих квинтильонов, чтобы нанять калебана.

- Нанять... простите... калебана? Я не ослышался? - Фурунео недоверчиво покачал головой. - Я не знал, что это возможно.

- Этого никто не знал.

- Я читал экстренное извещение, - сказал Фурунео. - Никто не объяснил, какое отношение к этому имеет Эбниз.

- У нее имеются некоторые странные... я бы сказал, садистские наклонности. Она обожает порку, - сказал Макки.

- Мне казалось, что ее вылечили от этого.

- Да, но это не помогло решить проблему радикально. Лечение привело лишь к тому, что она перестала выносить вид страдающего сознающего существа.

- Вот как?

- Решением, естественно, стал наем калебана.

- В качестве жертвы! - воскликнул Фурунео.

Макки видел, что до агента начала доходить суть дела. Однажды кто-то сказал, что проблема с калебанами заключается в том, что у них нет характерных черт, по которым их можно узнать. Действительно, это была правда. Если вы способны вообразить некую реальность, существо, чье присутствие вы ощущаете, но которое приводит к отказу всех чувств, когда вы пытаетесь его рассмотреть, то, значит, вы способны представить себе калебана.

Поэт Мазарард выразил эту мысль весьма образно: «Они – разбитые окна, распахнутые в вечность».

С первых же дней возникновения интереса к калеканам Фурунео начал исправно ходить на все посвященные им лекции и семинары для сотрудников Бюро. Сейчас он лихорадочно пытался вспомнить, о чем там говорили: на семинарах было что-то очень важное для решения возникшей теперь проблемы. Кажется, речь шла о «трудностях коммуникации внутри ауры печали». Но конкретное содержание той лекции Фурунео вспомнить не мог. Это очень странно, подумалось ему. Получалось, что раздробленные проекции контуров калекана оказывали на память сознающих такое же воздействие, как и на зрительное восприятие.

Здесь скрывался источник беспокойства, которое охватывало сознающих при столкновении с калеканом. Этот предмет – калекан – был реален, реальными были и люки перескока, были сферы – пляжные мячики, в которых, предположительно, жили калеканы, но никто и никогда не видел живого калекана.

Фурунео, глядя на приземистого толстого агента, сидящего напротив, вспомнил ходивший в Бюро анекдот о том, что Макки начал работать в конторе задолго до своего рождения.

– Она наняла мальчика для битья? – спросил Фурунео.

– Похоже, да.

– В экстренном извещении говорилось о смертях и безумии...

– Все ваши люди получили гневин? – вдруг спросил Макки.

– Я понял вас, Макки.

– Отлично. Гневин может их в какой-то степени защитить.

– О чем все-таки конкретно идет речь?

– Калібаны начали... исчезать, – ответил Макки. – Каждый раз, когда один из них исчезает, случается несколько странных смертей... и других крайне неприятных вещей – физические или ментальные болезни, откровенное безумие...

Фурунео кивнул в сторону моря, но не произнес свой вопрос вслух.

Макки пожал плечами:

– Нам надо посмотреть. Самое ужасное заключается в том, что еще до вашего вызова было сделано предположение, что во вселенной остался только один калібан – тот, которого наняла Эбниз.

– Что вы собираетесь с этим делать?

– Прекрасный вопрос, – ответил Макки.

– Калібан, принадлежащий Эбниз, – произнес Фурунео. – У этого калібана есть что сказать по существу?

– Мы не смогли его допросить, – ответил Макки. – Нам до сих пор неизвестно, ни где прячется сама Эбниз, ни где она прячет его.

– Ну не знаю, – Фурунео пожал плечами. – Планета Сердечность – это такая глушь.

– Я уже думал об этом. Так вы говорите, что мячик немного поврежден?

– Это странно, не правда ли?

– Это всего лишь одна странность из великого множества других.

– Говорят, что калібан не может далеко отлучиться от своей сферы, – сказал Фурунео. – Кроме того, калібаны любят располагать сферы возле воды.

– Сколько вы сделали попыток вступить с калібаном в контакт?

– Все было как обычно. Откуда вам известно, что Эбниз наняла калебана?

– Она похвасталась подруге, а подруга похвасталась своей подруге, которая... Кроме того, один калебан оставил улику перед своим исчезновением.

– Есть ли сомнения в том, что исчезновения и все остальное каким-то образом связаны друг с другом?

– Давайте поступимся к этому калебану и постараемся это выяснить, – ответил Макки.

* * *

Язык – это своего рода код, зависящий от ритма жизни вида, его породившего. Если вам не удастся освоить этот ритм, то и язык останется вам недоступным.

Руководство для агентов БюСаба

Последняя супруга Макки быстро заразилась тем возмущением, которое все простые смертные поначалу испытывают в отношении Бюро Саботажа.

– Они просто тебя используют! – протестовала она.

Макки на некоторое время задумался: возможно, есть какая-то причина в том, что он сам так легко и непринужденно использует других. Да, конечно, она права.

Макки думал об этих словах своей бывшей жены, когда они с Фурунео на автомобиле неслись к побережью. Мозг сверлила одна неотвязная мысль: как его используют на этот раз? Если отбросить гипотезу о том, что его просто решили принести в жертву, то остается еще великое множество других возможностей. Может быть, им потребовалась его юридическая подкованность? Или начальству нравится его неортодоксальный подход к межвидовому общению? Очевидно же, они надеются, что Макки удастся повернуть какой-то замысловатый и эффектный саботаж. Но что это за саботаж? Почему ему были

даны такие невнятные инструкции?

«Вы найдете калебана, которого наняла мадам Млисс Эбниз, и вступите с ним в контакт или найдете другого калебана, доступного сознательному контакту, а затем предпримете адекватные действия».

Адекватные действия?

Макки покачал головой.

– Почему они выбрали именно вас для этого сомнительного мероприятия? – вдруг спросил Фурунео.

– Они знают, как мною пользоваться, – ответил Макки.

Машину, которой управлял один из исполнителей, занесло на крутом повороте, и их глазам открылся скалистый берег. Среди черных вулканических утесов что-то поблескивало, над этим предметом нависли два воздушных судна.

– Это он? – спросил Макки.

– Да.

– Который час по местному времени?

– До заката осталось два с половиной часа, – ответил Фурунео, правильно истолковав вопрос Макки. – Гневин защитит нас, если внутри мячика калебан и если... он решит исчезнуть?

– От души надеюсь, что да, – ответил Макки. – Почему мы не добрались сюда по воздуху?

– Местные жители привыкли, что я езжу на машине, если не выполняю официальное задание, когда требуется скорость.

– Вы хотите сказать, что никто не знает об этом калебане?

- В курсе только береговая охрана данного участка, но они у меня на зарплате.

- Я смотрю, вы здесь проворачиваете рискованные операции, - заметил Макки. - Не боитесь стать слишком эффективным?

- Делаю все, что в моих силах.

Фурунео похлопал водителя по плечу.

Автомобиль остановился на круглой террасе, откуда просматривалась гряда мелких островков и вулканическая отмель, на которой застряла сфера калибана.

- Если честно, я до сих пор не уверен, что мы на самом деле знаем, что это за штуки - пляжные мячики.

- Это дома калибанов, - фыркнул Макки.

- Все так говорят.

Фурунео вылез наружу. От холодного ветра заныло его травмированное бедро.

- Отсюда мы пойдем пешком, - сказал он.

Когда они спускались к отмели по узкой крутой тропинке, Макки радовался тому, что у него под кожей защита антигравитационная сеть. Это приспособление могло замедлить скорость падения с любой высоты, сделав удар о землю, в любом случае, безопасным. Но никакая антигравитационная сеть не могла уберечь его от повреждений, которые он получит, если его опрокинет сильный прибой, и к тому же ничто не могло спасти от пронизывающего ледяного ветра.

Жалко, что он не надел термокостюм.

- Да, здесь холоднее, чем я ожидал, - виновато произнес Фурунео, взбираясь на плиту застывшей лавы. Подняв голову, он помахал пилотам воздушных судов.

Один из них сложил крылья и принялся описывать круги около сферы.

Фурунео двинулся вперед по площадке, и Макки последовал за ним, перепрыгнув широкую лужу, жмурясь и отворачивая лицо от пронизывающего сильного ветра. Прибой неистово гремел, обрушиваясь на скалы. Приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

– Видите? – крикнул Фурунео. – Похоже, что эта штука сильно ударилась о скалу.

– Предполагается, что они несокрушимы, – отозвался Макки.

Пляжный мячик имел около шести метров в диаметре. Он прочно сидел в плите, укрывшись в полукруглом углублении, словно расплавленном специально для него. Глубина ямки не превышала полуметра.

Макки направился к подветренной стороне сферы, обогнав на последних метрах Фурунео, потом остановился, засунув руки в карманы и трясаясь от холода: круглая поверхность мячика не защищала от пронизывающего ветра.

– Эта штука больше, чем я ожидал, – сказал он, когда подошел Фурунео.

– Вы впервые видите сферу так близко?

– Ну да.

Макки окинул ее взглядом. На матовой металлической поверхности виднелись выступы и углубления. Макки показалось, что они складываются в какой-то узор. Может быть, это сенсоры? Или органы управления? Прямо перед Макки виднелась глубокая трещина, вероятно, возникшая от удара о камни. Однако когда Макки попытался ее пощупать, никакой неровности он не ощутил.

– Что, если они ошибаются на этот счет? – задумчиво произнес Фурунео.

– М-м-м, что?

– Что, если это не дом калебана?

– Не знаю. Вы помните инструкцию?

– Надо найти «ниппельный выступ» и постучать по нему. Мы уже пробовали. Как раз такой ниппельный выступ находится слева от вас.

Макки обошел сферу в указанном направлении и немедленно промок до нитки от брызг, которые нес ветер, потом протянул дрожащую от холода руку и постучал.

Ничего не произошло.

– На всех инструктажах, на каких мне приходилось бывать, говорили, что в этой штуке должно быть что-то похожее на дверь, – проворчал Макки.

– Но никто не говорил, что дверь открывается всякий раз, когда в нее стучат, – возразил Фурунео.

Макки продолжил обход мячика, нашел еще один выступ и опять постучал.

Снова без толку.

– Здесь мы тоже пробовали, – сказал Фурунео.

– Чувствую себя полным идиотом, – признался Макки.

– Может быть, дома просто никого нет.

– Вы считаете, что существует пульт дистанционного управления? – спросил Макки.

– Или его просто покинули, и теперь это бесхозный мячик.

Макки указал на зеленоватую линию длиной около метра на наветренной стороне сферы.

– Что это?

Фурунео, согнувшись пополам, пытался спастись от ветра и брызг. Он подошел и присмотрелся:

- Не помню, чтобы я видел эту линию.

- Хотелось бы мне узнать больше о чертовых сферах, - негромко проворчал Макки.

- Может быть, мы слишком тихо стучим, - предположил Фурунео.

Макки задумчиво сжал губы. Он достал футляр с инструментами и извлек оттуда пакет со слабой взрывчаткой.

- Спрячьтесь с другой стороны, - сказал Макки Фурунео.

- Вы уверены, что это понадобится? - спросил тот.

- Нет.

- Ну ладно... - сказал Фурунео и спрятался за сферой.

Макки прикрепил полоску взрывчатки к зеленой линии, подключил таймер и присоединился к Фурунео.

Раздался глухой, но довольно сильный удар.

Макки поразился мертвой, неожиданно наступившей тишине. Что, если калекан разозлится и применит оружие, о котором мы до сих пор не слышали? Макки бросился к наветренной стороне.

Над зеленой линией появилось отверстие овальной формы. Похоже, что большую заглушку втянуло внутрь сферы.

- Кажется, вы нажали нужную кнопку, - сказал Фурунео.

Макки подавил чувство раздражения, которое, как он понимал, было всего лишь следствием приема гневина, и сказал:

- Да. Подсадите меня.

Макки заметил, однако, что Фурунео лучше него справляется с эффектом гневина.

С помощью Фурунео Макки поднялся к открывшемуся порту и заглянул внутрь. Внутри сфера была освещена тусклым фиолетовым светом; в полумраке, как показалось Макки, можно было различить какое-то движение.

- Вы что-нибудь видите? - окликнул Макки Фурунео.

- Сам не пойму.

С этими словами Макки пролез в отверстие и прыгнул вниз на покрытый мягким ковром пол. Он приземлился на четвереньки, привстал и внимательно всмотрелся в пурпурный полумрак. Зубы застучали от холода. Помещение, в котором он оказался, несомненно, занимало весь центр сферы - низкий потолок, мерцающее радужное свечение возле внутренней поверхности слева, торчащая прямо перед Макки гигантская суповая ложка, а на правой стене - крошечные катушки, рукоятки и кнопки.

Движение было заметно в самой ложке. Только сейчас до Макки вдруг дошло, что он находится рядом с калобаном.

- Что вы видите? - крикнул снаружи Фурунео.

Не отрывая взгляда от ложки, Макки слегка повернул голову.

- Калобан здесь.

- Мне войти?

- Нет. Позовите своих людей и никуда не отходите.

– Слушаюсь.

Макки со всем возможным вниманием присмотрелся к содержимому ложки. В горле у него пересохло. Никогда прежде ему не приходилось остаться вот так, наедине с калобаном. Обычно калобанами занимались ученые, оснащенные весьма замысловатыми, эзотерическими инструментами.

– Я... э-э-э, Джордж К. Макки, агент Бюро Саботажа, – представился он.

В ложке произошло какое-то шевеление, а затем началась эманация смысла, следовавшая за маневром какой-то непонятной субстанции:

– Я принимаю знакомство с тобой.

Макки невольно вспомнил поэтическое описание Мазерара «Разговор с калобаном».

«Кто может описать, как говорит калобан? – писал Мазерар. – Их слова падают на тебя, словно сверкание девяти лент на шесте брадобрея с планеты Соже. Невозможно ощутить, как лучатся слова калобана. Я вижу, как говорит калобан. Ведь если слова посланы, значит, есть и речь? Шли мне свои слова, калобан, и я расскажу всей вселенной о твоей мудрости».

Услышав калобана, Макки подумал, что этот Мазерар был на редкость претенциозной скотиной. Калобан что-то излучал. Излучение преобразовывалось мозгом сознающих существ в звук, но уши при этом ничего не слышали. Такое же воздействие калобан оказывал на зрение: ты чувствуешь, что что-то видишь, но глаза не регистрируют никаких образов.

– Надеюсь, я не слишком тебя потревожил, – извиняющимся тоном произнес Макки.

– У меня нет точки отсчета для оценки «тревожность», – ответил калобан. – Ты привел с собой товарища?

– Мой товарищ снаружи, – ответил Макки. Нет точки отсчета для тревожности?

- Пригласи сюда своего товарища, - сказал калеван.

Макки, немного поколебавшись, подчинился:

- Фурунео, войдите.

Планетарный агент спрыгнул в помещение сферы и тоже приземлился на четвереньки слева от Макки, в фиолетовой полутьме.

- Снаружи чертовски холодно, - пожаловался Фурунео.

- Там низкая температура и очень влажно, - согласился калеван. Макки, следивший глазами за действиями Фурунео, заметил, что отверстие в стене исчезло. Теперь они были отрезаны от ветра, брызг и прибоя.

Температура внутри сферы стала быстро подниматься.

- Становится жарко, - меланхолично заметил Макки.

- Что?

- Жарко. Помните инструкции? Калеваны обожают высокую температуру и сухой воздух.

Макки уже чувствовал, как мокрая одежда начинает липнуть к коже.

- Верно, - согласился Фурунео. - Итак, что мы имеем?

- Он пригласил нас к себе, и мы его не потревожили, потому что у него «нет точки отсчета для понятия тревожности». - Он обернулся к гигантской ложке.

- Где он?

- В этом половнике.

- Да... я... э-э-э... ну да, конечно.

– Вы можете называть меня Фэнни Мэй, – произнес калебан. – Я способна воспроизводить себе подобных и соответствую эквиваленту женщины.

– Фэнни Мэй, – сказал Макки, отчетливо понимая совершенно идиотскую пустоту, стоявшую за этим обращением. Как можно увидеть это дьявольское существо? Где его лицо? – Это мой товарищ, Аличино Фурунео, агент Бюро Саботажа на планете Сердечность.

Фэнни Мэй! Чертовщина какая-то.

– Ваши представления приняты, – отозвался калебан. – Я интересуюсь целью вашего визита.

Фурунео яростно почесал правое ухо.

– Каким образом мы его слышим? – он тряхнул головой. – Я могу понять это, но...

– Не берите в голову, – подбодрил планетарного агента Макки, но все же мысленно одернул себя. Теперь стели помягче. Как можно допросить это существо? Бестелесное присутствие калебана, извращенный способ, каким его ум воспринимал вещественное – все это в совокупности с гневом вызывало сильное раздражение.

– Я... мне дан приказ, – заговорил Макки, – найти калебана, нанятого Млисс Эбниз.

– Я приняла твой вопрос, – ответил калебан.

Приняла вопрос?

Макки поводит головой из стороны в сторону, стараясь отыскать угол зрения, под которым ему, возможно, удалось бы рассмотреть в ложке нечто вещественное.

– Что вы делаете? – спросил Фурунео.

- Пытаюсь это увидеть.

- Ты ищешь видимую субстанцию? – спросил калеван.

- Да, – ответил Макки.

Фэнни Мэй? – подумал он. Это было похоже на знакомство с планетами системы Говачин, на первый контакт человеческой цивилизации с говачинской цивилизацией напоминающих лягушек земноводных: тогда встреченный людьми говачин назвался Уильямом. На какой из девяноста тысяч планет этот калеван откопал себе имя? И зачем?

- Сейчас я произведу зеркало, которое отражает наружу проекции плоскости бытия, – сказал калеван.

- Мы увидим это отражение? – прошептал потрясенный Фурунео. – Никто никогда не видел калебана.

- Тс-с!

Над гигантской ложкой материализовалось овальное нечто, переливающееся зеленым, синим и розовым цветом, и оно не имело никакой видимой связи с пустотой калебана.

- Считайте, что это сцена, на которой я представляю свою самость, – сказал калеван.

- Вы что-нибудь видите? – спросил Фурунео.

Зрительные центры Макки зафиксировали некое пограничное ощущение, чувство присутствия отдаленной жизни, бестелесный ритм которой плясал перед его глазами, словно рев моря в пустой раковине морского желудя. Макки вспомнил своего одноглазого приятеля и трудность, которую испытывал, когда пытался смотреть в этот одинокий глаз и не отвлекаться на пустую глазницу. Почему этот дурак не мог купить себе новый глаз? Почему не мог...

Он проглотил конец мысли, отогнав ее прочь.

– Никогда в жизни не встречал ничего более странного, – прошептал Фурунео. – Вы его видите?

Макки описал свои зрительные ощущения.

– Вы это видите?

– Пожалуй, да, – ответил Фурунео.

– Попытка визуального представления провалилась, – сказал калекбан. – Наверное, я использовала недостаточный контраст.

Боясь ошибиться, Макки решил, что ему показалось, будто он слышит в призрачном голосе калекбана жалобные нотки. Может быть, калекбану не нравится, что он невидим?

– Все хорошо, – поспешил заверить калекбана Макки. – Но, может быть, мы теперь обсудим калекбана, который...

– Возможно, обзор не удастся связать, – сказал калекбан, не дав Макки договорить. – Мы вступаем в состояние, для которого не существует средства избавления. «С равным успехом можно спорить с ночью», как говорит ваш поэт.

В сфере повисло почти физическое ощущение неизбывной тоски, исходящей от калекбана. Эта волна накрыла Макки. Это была печаль, навевавшая чувство мрака, обреченной покорности сжигающей судьбе. Эмоциональная мощь породила страх.

– Вы чувствуете? – спросил Фурунео.

– Да.

Макки ощутил жжение в глазах и несколько раз моргнул. Мигая, он успел заметить, что в овале появился контур, напоминающий цветок, – красный цвет на фоне пурпура сферы. Цветок был покрыт черными прожилками. Он медленно распустился, потом лепестки сомкнулись, снова раскрылись. Макки захотелось

протянуть руку и в знак сочувствия погладить лепестки.

- Как красиво, - прошептал он.

- Что это? - тоже шепотом спросил Фурунео.

- Думаю, мы видим калобана.

- Мне хочется плакать, - признался Фурунео.

- Держите себя в руках, - предостерегающе произнес Макки и откашлялся. Все его существо было захлестнуто мощной волной эмоций. Казалось, что по сфере мечутся фрагменты целого и изо всех сил стараются найти друг друга, чтобы слиться воедино. Эффект гневина потерялся в этом месиве.

Овал медленно исчез из виду, и эмоциональная пытка прекратилась.

- Потрясающе! - простонал Фурунео.

- Фэнни Мэй, - собравшись с духом, обратился Макки к калобану. - Что это было...

- Я на службе у Млисс Эбниз, - сказал калобан. - Это верное словоупотребление?

- Да! - воскликнул Фурунео. - Именно так и есть.

Макки посмотрел на планетарного агента, а потом перевел взгляд на то место, через которое они вошли в сферу. Никаких следов отверстия Макки не увидел. Жара в помещении становилась невыносимой. Это верное словоупотребление? Он снова перевел взгляд на то, что было проявлением калобана. Над гигантской ложкой по-прежнему что-то светилось, но Макки при всем желании не смог бы описать этот силуэт.

- Оно задало вопрос? - спросил Фурунео.

- Помолчите минутку, - огрызнулся Макки. - Мне надо подумать.

Томительно тянулись секунды. Фурунео чувствовал, как по ложбинке вдоль спины потекла струйка пота. Во рту тоже ощущался его соленый привкус.

Макки сидел неподвижно, уставившись на ложку. Калекбан на службе у Эбниз. Он до сих пор ощущал последствия эмоционального потрясения и распада. Утраченные воспоминания требовали внимания, но он никак не мог вытащить их на свет рабочей памяти.

Фурунео смотрел на Макки и думал, что чрезвычайный агент саботажа впал в гипнотический транс.

– Вы все еще думаете? – шепотом спросил он.

Макки кивнул, а потом заговорил:

– Фэнни Мэй, где находится твой работодатель?

– Координаты вне доступа, – ответил калекбан.

– Он на этой планете?

– Другие узлы соединения, – загадочно ответил калекбан.

– Не думаю, что вы двое говорите на одном и том же языке, – сказал Фурунео.

– Это самая большая проблема, если верить тому, что я слышал и читал о калекбанах, – согласился Макки. – Общаться с ними на самом деле трудно.

Фурунео вытер пот со лба.

– Вы не пробовали вызвать Эбниз по дальней связи? – спросил он.

– Не говорите глупостей, – ответил Макки. – Это было первое, что я попытался сделать.

– И?

- Либо тапризиоты говорят правду и не могут с ней связаться, либо она их как-то подкупила. Но какая, собственно, разница? Допустим, я с ней свяжусь. Откуда я буду знать, где она находится? Как я смогу направить поиск на человека, который не пользуется монитором?

- Но как она могла подкупить тапризиотов?

- Откуда я знаю? Между прочим, как она смогла нанять на работу калебана?

- Призыв к обмену ценности, - произнес калебан.

Макки пожевал верхнюю губу.

Фурунео откинулся к стенке. Он понимал, что? так угнетает здесь Макки. Он старается изо всех сил вести себя со странным сознающим существом как можно более обходительно. Никогда ведь не знаешь, что может вызвать конфликт, - даже построение фразы может спровоцировать весьма крупные неприятности. Нужно вызвать специалиста по ксенокультурам на помощь Макки. Странно, что это не было сделано с самого начала.

- Эбниз предложила тебе что-то ценное, Фэнни Мэй? - решившись, заговорил Макки.

- Я предлагаю суждение, - сказал калебан. - Об Эбниз нельзя судить как о дружелюбной - хорошей - милой - доброй... приемлемой.

- Это... твое личное суждение?

- Ваш вид запрещает бичевание сознающих, - ответил калебан. - Млисс Эбниз приказывает меня бичевать.

- Почему ты просто не откажешься от этого? - спросил Макки.

- Обязательство по контракту, - ответил калебан.

- Обязательство по контракту, - повторил себе под нос Макки и бросил взгляд на Фурунео, который в ответ лишь недоуменно пожал плечами.

- Спросите, куда она ездит, чтобы ее бичевали? - сказал Фурунео.

- Бичевание является сюда само, - сказал калеван.

- Под бичеванием ты подразумеваешь избиение, - подсказал Макки.

- Объяснение избиения - пустословие, - сказал калеван. - Неправильный термин. Эбниз приказывает бичевать меня.

- Это существо разговаривает, как компьютер, - сказал Фурунео.

- Позвольте мне разобраться в этом самому, - резко приказал Макки.

- Компьютер - это слово для описания механического приспособления, а я - живое существо.

- Он не хотел тебя оскорбить, - поспешил заверить калебана Макки.

- Для оскорбления у меня нет интерпретации.

- Бичевание причиняет тебе боль? - спросил Макки.

- Объясни, что такое боль.

- Причиняет тебе неудобство?

- Запрос отправлен. Как объяснить это ощущение? Объяснение не пересекает узел соединения.

Не пересекает узел соединения? - подумал Макки.

- Ты сама выбрала бичевание? - спросил он.

- Выбор был сделан, - подтвердил калебан.

- Ну, ты бы сделала тот же выбор, если бы его можно было обновить?

- Путаная ссылка, - сказал калебан. - Если корень «нов» означает повторение, то у меня нет голоса в повторении. Эбниз присылает паленки с кнутом, и происходит бичевание.

- Паленки? - вздрогнув, переспросил Фурунео.

- Надо было догадаться, что будет нечто вроде этого, - сказал Макки. - Кто еще согласится делать этакое, за исключением твари без мозгов, но с покорной мускулатурой?

- Но паленки!.. Можем ли мы поохотиться...

- Мы узнали из первых рук, чем она воспользовалась, - сказал Макки. - Где вы собираетесь устроить охоту за одним паленки? - Он пожал плечами. - Почему калебан не может осознать и понять концепцию боли? Это же чистая семантика или у них просто отсутствуют нужные нервные связи?

- Я понимаю, что такое нервы, - отозвался калебан. - Всякое сознающее существо должно обладать управляющими и контролирующими связями. Но боль... Разрыв смысла кажется непреодолимым.

- Вы говорили, что Эбниз не выносит вида боли, - напомнил Фурунео Макки.

- Да. Как она наблюдает за бичеванием?

- Эбниз осматривает мой дом, - сказал калебан.

Никакого иного ответа не последовало, и Макки продолжил:

- Я не понимаю. Какое отношение осмотр имеет ко всему этому?

– Это мой дом, – сказал калебан. – Мой дом содержит... соединение, так? Она хозяйка S-глаза. Эбниз владеет узлами соединения, за которые и платит.

Макки на мгновение показалось, что калебан просто издевается над ним, не скупясь на сарказм. Но все, что Макки знал о калебанах, свидетельствовало о том, что сарказм не доступен этим существам. Да, это словесная путаница, однако никаким оскорблением, тем более осознанным, здесь не пахнет. Но неужели нет понятия и о боли?

– Похоже, у этой сучки окончательно треснул горшок, – зло пробурчал Макки.

– Физически она цела, – возразил калебан. – Она погрязла в своем узле соединения, но организм ее сохранил цельность, согласно суждениям, сделанным в моем присутствии. Если, однако, имеется в виду психика Эбниз, то да, твое описание целиком соответствует действительным обстоятельствам. Психика ее в наивысшей степени запутанна. Завитки очень странных оттенков смещают мое восприятие цвета самым неожиданным и удивительным образом.

Макки едва не поперхнулся:

– Ты видишь ее психику?

– Я вижу психику всех сознающих.

– Это к вопросу о том, что калебаны якобы не способны видеть, – сказал Фурунео. – Все это иллюзии, нет?

– Но как... как это возможно? – придя в себя, спросил Макки.

– Я занимаю место, расположенное в материи между физическим и ментальным, – ответил калебан. – Так сознающие вашего вида объясняют это с помощью вашей терминологии.

– Что за чушь, – сказал Макки.

– Ты постиг неоднородность и фазность смысла, – успокоил Макки калебан.

– Почему ты приняла предложение Эбниз, почему согласилась на нее работать? – в отчаянии спросил Макки.

– У нас нет общих точек отсчета для того, чтобы мои объяснения были тебе понятны, – ответил калебан.

– Вы постигли прерывистость и неомогенность смысла, – съязвил Фурунео.

– Я тоже подозреваю, что это так, – согласился калебан.

– Я должен найти Эбниз, – сказал Макки.

– Я выдаю предостережение, – произнес калебан.

– Смотрите-ка, – прошептал Фурунео, – я чувствую его ярость, причем без всякого гневина.

Макки жестом велел ему замолчать.

– Что это за предостережение, Фэнни Мэй?

– Все потенциальные возможности кроются в ситуации, – заговорил калебан. – Я позволю моей... личности? Да, правильно, личности. Я позволю своей личности войти в такие отношения с сознающим собратом, что они могут показаться ему недружелюбными.

Макки почесал затылок, думая, насколько близко они сумели подобраться к тому, что можно было бы назвать общением, или, по-научному, коммуникацией. Макки хотелось прямо в лоб спросить об исчезновениях калебанов, о смертях и безумиях, но он опасался возможных последствий.

– Недружелюбными, – повторил он.

– Пойми, – сказал калебан, – жизнь, которая течет во всех существующих организмах, несет в себе глубинные, спрятанные далеко внизу связи, точнее, связующие звенья. Каждая сущность остается привязанной до того момента, когда окончательный разрыв не удаляет ее... из сети, да? Да, связи других

сущностей вошли в соединение с Эбниз. Если личностный разрыв преодолеет мою самость, то все присоединенные сущности испытают то же самое.

- Разрыв, нарушение непрерывности? - переспросил Макки. Он не был уверен, что понял все сказанное, но очень боялся, что смысл слов калебана дошел до него правильно.

- Путаница возникает из контактов между сознающими, мышление которых зародилось в разных линейностях осознания, - продолжил калебан, не обратив внимания на вопрос Макки.

- Я не вполне уверен, что понимаю, что ты имеешь в виду под нарушением непрерывности или разрывом, - настаивал на своем Макки.

- В вашем контексте, - сказал калебан, - окончательный разрыв и нарушение непрерывности - это нечто противоположное удовольствию, в ваших понятиях.

- Вы пришли в никуда, в тупик, - сказал Фурунео. У него разболелась голова от отчаянных попыток совместить с речью импульсы излучения, которыми калебан пользовался для коммуникации.

- Похоже на поиск семантической идентичности, - сказал Макки. - Высказывания либо черные, либо белые, но мы стараемся найти промежуточную интерпретацию.

- Все сущее находится в промежутке, - произнес калебан.

- Нечто, предположительно, противоположное удовольствию, - пробормотал Макки.

- Это наше понятие, - напомнил ему Фурунео.

- Скажи мне, Фэнни Мэй, - снова заговорил Макки, - мы, другие сознающие, называем этот окончательный разрыв непрерывности смертью?

- Предположительно, это некоторая аппроксимация, - ответил калебан. - Отрицание взаимного осознания, окончательное нарушение непрерывности,

смерть – все это описания одного рода и порядка.

– Если ты умрешь, не означает ли это, что умрут еще многие? – спросил Макки.

– Умрут все, кто пользуется S-глазом. Все, кто с ним сплетен.

– Все? – выдохнул потрясенный Макки.

– Все, кто на вашей... волне? Это очень сложная концепция. У калеванов есть обозначение этой концепции... плоскость? Плоскостной способ существования? Полагаю, у нас нет общего термина для этого понятия. Проблема загнана в зрительный анклав, а это затрудняет взаимную ассоциацию.

Фурунео тронул Макки за руку:

– Она хочет сказать, что если она умрет, то умрут все, кто пользуется люками перескока?

– Похоже на то.

– Я в это не верю!

– Мне думается, что доказательства припирают нас к стенке, – нам придется в это поверить.

– Но...

– Я хочу знать, не угрожает ли ей непосредственная опасность. – Макки начал рассуждать вслух.

– Согласитесь, что я задал правильный вопрос, – сказал Фурунео.

– Что предшествует окончательному разрыву твоей непрерывности, Фэнни Мэй? – спросил Макки.

– Окончательному разрыву непрерывности предшествует все.

- Да, но сейчас ты на пути к окончательному разрыву?

- У нас нет выбора, все на пути к окончательному разрыву.

Макки ожесточенно потер лоб. Температура в сфере продолжала неуклонно повышаться.

- Я исполняю долг чести, - сказал вдруг калебан. - Я знакомлю тебя с перспективой. Сознание вашей плоскости, как представляется, неспособно, то есть лишены средства отвлечься от влияния моей общности с Эбниз. Сообщение понятно?

- Макки, - сказал Фурунео, - вы имеете хотя бы отдаленное представление о том, сколько сознаний пользуются люками перескока?

- Черт, да почти все.

- Сообщение понятно? - повторил калебан.

- Не знаю, - рыкнул в ответ Макки.

- Трудно делиться концепциями на понятийном уровне, - констатировал калебан.

- Я все еще не могу в это поверить, - признался Макки. - Это вполне согласуется с тем, что говорили другие калебаны, насколько мы можем восстановить сказанное ими после всего бардака, который они оставили.

- Поймите, что удаление товарищей создает разрушение, - сказал калебан. - Разрушение - это то же самое, что бардак?

- Да, приблизительно, - ответил Макки. - Скажи мне, Фэнни Мэй, существует ли непосредственная опасность окончательной потери тобой непрерывности?

- Объясни значение слова «непосредственная»?

– Скорая! – огрызнулся Макки. – Опасность, которая наступит через очень короткий промежуток времени!

– Концепция времени трудна для меня, – сказал калебан. – Ты спрашиваешь о персональной способности перенести бичевание?

– Вот это уже достаточно тепло, – со вздохом произнес Макки. – Сколько еще бичеваний ты можешь вынести и выжить?

– Объясни, что значит «выжить»?

– Сколько бичеваний ты можешь вынести, прежде чем произойдет разрыв непрерывности? – спросил Макки, стараясь справиться с вызванной гневом растерянностью.

– Возможно, десять бичеваний, – ответил калебан. – Но, может быть, меньше, или больше.

– И твоя смерть убьет всех нас? – спросил Макки, от души надеясь, что неправильно понял калебана.

– Погибших будет меньше, чем все.

– Вы лишь воображаете, что понимаете ее, – сказал Фурунео.

– Боюсь, что я на самом деле правильно ее понял!

– Мои товарищи калебаны, – сказал калебан, – поняв, что попали в ловушку, достигают ухода, удаления. Так они избегают разрыва непрерывности.

– Сколько калебанов осталось в нашей... плоскости? – спросил Макки.

– Единственная единица самости – моя, – ответил калебан.

– Значит, всего один, – тихо простонал Макки. – Очень тонкая ниточка!

– Я не могу понять, каким образом смерть одного калебана может породить всю эту катастрофу, – сказал Фурунео.

– Объяснение по аналогии, сравнением, – ответил калебан. – Ученый вашей плоскости объясняет реакцию звездной самости. Масса звезды вступает в состояние расширения. В этом состоянии масса звезды поглощает и редуцирует все вещества, сводя их к другим энергетическим характеристикам. Все вещества, попадающие в зону расширения массы звезды, изменяются. Таким образом, окончательный разрыв непрерывности моей самости достигает соединений всех прочих связей с S-глазом, меняя и преобразуя форму всех заинтересованных сущностей.

– Звездная самость, – простонал Фурунео и покачал головой.

– Неверный термин? – спросил калебан. – Может быть, стоит заменить его энергетической самостью.

– Она говорит, – подсказал Макки, – что использование эффекта S-глаза и люка перескока каким-то образом связали нас с ее жизнью. Смерть ее настигнет нас, как взрыв сверхновой звезды, и уничтожит всех, кто вплетен с ней в одну сеть.

– Вы лишь думаете, что она это говорит, – возразил Фурунео.

– Я вынужден поверить в то, что она говорит именно это, – сказал Макки. – Наше общение довольно натянутое, но мне кажется, что она ведет себя искренне. Вы не чувствуете исходящих от нее эмоций?

– Представители двух видов могут лишь условно говорить о том, что разделяют какие-то эмоции, – сказал Фурунео. – Она даже не понимает, что мы имеем в виду, говоря о боли.

– Ученый вашей плоскости, – заговорил калебан, – разъясняет эмоциональное основание общения. Отсутствие эмоциональной общности приводит к сомнительности совпадения смысла ярлыков. Концепция эмоции не определена для калебанов, а это предполагает трудности в коммуникации.

Макки мысленно кивнул. Теперь он видел и другие сложности: проблема, заключающаяся в том, что слова калебана не то произносились, не то излучались каким-то невысказанным способом, и это только усиливало растерянность и путаницу.

– Думаю, что в одном вы точно правы, – сказал Фурунео.

– В чем же?

– Надо предположить, что мы ее понимаем.

Макки судорожно сглотнул. Во рту стояла нестерпимая сухость.

– Фэнни Мэй, – сказал он, – ты объяснила эту концепцию перспективы окончательного разрыва непрерывности самой Млисс Эбниз?

– Проблема разъяснена, – сказал калебан. – Собратья калебаны попытались применить средство от ошибок. Эбниз не смогла ничего понять или пренебрегла последствиями. Связь с ней затруднительна.

– Связь затруднительна, – пробормотал Макки.

– Все связи единичного S-глаза, – сказал калебан. – Хозяин S-глаза самости создает взаимные проблемы.

– Только не говорите, что вы это поняли, – сказал Фурунео.

– Эбниз использует право хозяина S-глаза самости, – сказал калебан. – Контрактное соглашение дает ей такое право. Один хозяин S-глаза самости. Эбниз его использует.

– Значит, она открывает люки перескока и посылает своих паленки через них, – сказал Фурунео. – Почему бы нам просто не подождать здесь и не задержать ее?

– Она сможет захлопнуть люк, прежде чем мы успеем приблизиться, – прорычал Макки. – Нет, здесь есть еще кое-что, помимо того, что говорит калебан. Думаю, что Фэнни Мэй пытается объяснить нам, что есть только один хозяин S-глаза,

контрольной системы, возможно, всех люков перескока... и Млисс Эбниз распоряжается S-глазом, или каналом перехода, или...

- Еще чем-то, - ехидно заметил Фурунео.

- Эбниз распоряжается S-глазом по праву приобретения, - сказал калебан.

- Ты поняла, что я хочу сказать? - спросил Макки. - Ты можешь перехватить контроль и перевести его на себя, Фэнни Мэй?

- Условия найма не позволяют мне вмешиваться.

- Но разве ты не можешь воспользоваться собственным люком перескока? - настаивал на своем Макки.

- Этим пользуются все, - сказал калебан.

- Черт возьми, какое-то безумие! - в отчаянии воскликнул Фурунео.

- Безумие определяют как отсутствие надлежащего течения мыслей в универсальном принятии логических условий, - сказал калебан. - Безумием является суждение представителей одних видов сознающих о представителях других видов. В противном случае интерпретации бывают правильными.

- Кажется, кто-то только что стукнул меня по руке, - сказал Фурунео.

- Слушайте, - заговорил после недолгого раздумья Макки, - все прочие смерти и случаи безумия, связанные с исчезновениями калебанов, подкрепляют нашу интерпретацию. Речь идет о чем-то взрывоопасном и чревато большой бедой.

- Значит, надо найти Эбниз и остановить ее.

- Вы полагаете, что это так просто, - возразил Макки. - Слушайте приказ. Выходите отсюда и поставьте в известность Бюро. Наше общение с калебаном не осталось на записывающем устройстве, поэтому вам придется положиться на память. Попросите просканировать ваш мозг.

– Хорошо. Вы остаетесь?

– Да.

– Как мне сказать им о том, что вы делаете?

– Хочу взглянуть на сообщников Эбниз и ее окружение.

Фурунео нарочито откашлялся. Боги преисподней! Как же здесь жарко.

– Вы не думали о самом простом решении – бабах, и все! – Он сделал движение, имитируя выстрел из лучемета.

– Для люков перескока существуют некоторые ограничения в доступе разных предметов, некоторые не удастся пронести быстро, и вы прекрасно это знаете.

– Может быть, здесь другой люк?

– Сильно в этом сомневаюсь.

– Что мне делать после доклада в Бюро?

– Возвращайтесь и находитесь рядом со сферой, пока я вас не позову... если, конечно, начальство не отдаст другой приказ. Да, и обыщите Сердечность... так, на всякий случай.

– Конечно, я это сделаю, – пообещал Фурунео. – С кем из Бюро мне связаться? С Билдуном?

Макки поднял глаза к потолку. Почему Фурунео спрашивает, с кем ему связаться? Что он хочет этим сказать?

Потом до Макки дошло, что Фурунео пытается избежать логической неувязки. Директор Бюро Саботажа, Наполеон Билдун, принадлежал к виду пан-спекки, пентархам, которые только внешне напоминали людей. Так как этим делом занимался Макки – человек вида *homo sapiens*, – то и из руководства всей

операцией следовало исключить других членов Конфедерации сознающих. Межвидовые политические недоразумения и конфликты могли сильно затормозить работу в чрезвычайных ситуациях. Здесь надо было обратиться в представительный директорат.

- Спасибо за напоминание, - сказал Макки, - я думал только о насущной проблеме.

- Это тоже насущная проблема.

- Понимаю. Все верно, ладно. Меня направил на это дело директор отдела деликатных операций.

- Гитчел Сайкер?

- Да.

- Там есть еще один лаклак и Билдун - пан-спекки. Кто еще?

- Найдите кого-нибудь в юридическом отделе.

- Пусть это будет человек.

- Когда вы туда обратитесь, в известность уже будут поставлены все, - сказал Макки. - Всех привлекут еще до принятия официального решения.

Фурунео согласно кивнул:

- Есть и еще кое-что.

- Что именно?

- Как мне отсюда выбраться?

Макки посмотрел на гигантскую ложку:

– Хороший вопрос. Фэнни Мэй, как моему товарищу отсюда выйти?

– Куда он хочет отправиться?

– К себе домой.

– Соединение очевидно, – сказал калебан.

Макки почувствовал, как в сферу ворвался вихрь воздуха. В ушах щелкнуло от перемены давления. Было похоже на звук, издаваемый пробкой, вылетающей из бутылки. Макки вздрогнул. Фурунео исчез.

– Ты... отправила его домой? – спросил Макки.

– Именно так, – ответил калебан. – Желательное направление видимо отчетливо. Послано с быстротой, чтобы не допустить падения температуры ниже подходящего уровня.

Макки, чувствуя, как струйки пота текут у него по щекам, сказал:

– Хотелось бы мне знать, как ты это сделала. Вы на самом деле видите наши мысли?

– Вижу только сильные связности, – ответил калебан.

Разрыв непрерывности смысла, подумалось Макки.

Он тут же вспомнил о замечании калебана по поводу температуры. Каков же допустимый уровень температуры? Черт, здесь же можно свариться заживо! Все тело чесалось от едкого пота. В горле было сухо, как в пустыне. И это подходящий уровень температуры?

– Что есть противоположность подходящему? – спросил он.

– Фальшивое, – ответил калебан.

* * *

Игра слов порождает надежды, которым не суждено сбыться в реальной жизни. В этом источник безумия и других форм несчастья.

Поговорка уривов

Какое-то время, продолжительность которого он не мог оценить, Макки пытался анализировать свой разговор с калебаном. Было ощущение полной потери почвы под ногами, потому что общей точки отсчета в их беседе найти так и не удалось. Каким образом фальшивое может быть антонимом подходящего? Если это существо не способно оценить смысл сказанного, то как может оно измерять время?

Макки провел ладонью по лбу, стряхнув пот. Вытирать пот курткой было бесполезно, так как она промокла насквозь.

Неважно, однако, сколько прошло времени, самое главное, он знал, в каком месте вселенной находится. Вокруг были все те же стены сферы. Невидимое присутствие калебана не стало менее таинственным, но Макки мог созерцать мерцающую форму существования этого создания и получать какое-то удовлетворение от самого факта возможности говорить с ним.

Мысль о том, что каждый сознающий, пользовавшийся люками перескока, умрет, если погибнет этот калебан, тяжким бременем легла на Макки. Мысль вызвала онемение в теле; кожа была мокрой от пота, но потел Макки не только от жары. В воздухе носились голоса смерти. Макки чувствовал, что его окружают молящие о пощаде сознающие существа – квадрильоны и квадрильоны. Помоги нам!

Помочь надо всем, кто пользовался люками перескока.

Проклятье тысяч дьяволов! Правильно ли он истолковал слова калебана? Это было вполне логичное допущение. Смерти и случаи безумия, следовавшие за исчезновениями калебанов, подсказывали, что следует отбросить все прочие интерпретации.

Связь за связью, звено за звеном была подготовлена эта дьявольская ловушка. В результате вся вселенная будет заполнена горами гниющей мертвой плоти.

Светящийся овал над гигантской ложкой внезапно заволновался, выплеснулся наружу, сжался, снова ярко вспыхнул, затем сместился вниз, потом – влево. У Макки сложилось впечатление, что странное существо чем-то расстроено. Овал исчез, но чрезвычайный агент продолжал видеть отсутствие присутствия калебана.

– Что-то случилось? – спросил Макки.

Вместо ответа за ложкой с калебаном открылся S-портал люка перескока. В отверстии стояла женщина. Фигура ее была до странности крошечной – словно Макки смотрел на нее в телескоп с обратной стороны. Макки узнал ее сразу: он видел ее в новостях и на инструктажах в Бюро, прежде чем отправиться на задание.

Это была Млисс Эбниз собственной персоной в приглушенном красноватом свете. Она медленно приблизилась к люку.

Очевидно, что над женщиной добросовестно поработали стедионские мастера красоты, – впрочем, надо будет проверить. Фигура соблазняла молодыми женскими округлостями. Лицо под светло-голубыми волосами безупречно обрамляло похожий на алый лепесток рот. Большие, по-летнему зеленые глаза странно и нелепо контрастировали с острым раздвоенным носом – достоинство против низкопробной грубости. Этой порочной королеве, древней и юной одновременно, было по меньшей мере восемьдесят стандартных лет, и мастера красоты сумели соединить в своем «творении» доступность женских форм и надменную, ненасытную жажду власти.

На дорогом теле было надето длинное платье, украшенное бесценным жемчугом. Оно повторяло все движения тела, словно вторая кожа. Женщина приблизилась к воронке трубы, и та сначала захватила ее ступни, потом голени, потом бедра и, наконец, охватила талию.

Макки физически ощутил, что за время этого краткого прохода его колени постарели на тысячу лет. Скорчившись, он остался сидеть там, куда приземлился после прыжка в сферу.

– Ах, Фэнни Мэй, – произнесла Млисс Эбниз. – У тебя гость.

Помехи, создаваемые люком перескока, придавали голосу Эбниз легкую хрипотцу.

– Я Джордж К. Макки, чрезвычайный агент саботажа, – представился он.

Ее зрачки действительно сузились? Млисс остановилась. Теперь в отверстии трубы были видны только ее голова и плечи.

– А я – Млисс Эбниз, частное лицо.

Частное лицо! – со злостью подумал Макки. Эта сука управляла производственными мощностями почти пятисот планет. Он медленно поднялся на ноги.

– У Бюро Саботажа есть к вам несколько официальных вопросов, – сказал он, напомнив о необходимости соблюдать закон.

– Я частное лицо! – злобно огрызнулась она визгливым голосом тщеславной вздорной бабенки.

Макки воспрянул духом, почувствовав слабину. Это был порок, каким страдают многие очень богатые люди, а он довольно насмотрелся на таких субъектов.

– Фэнни Мэй, я твой гость? – спросил он.

– Действительно, это так, – ответил калебан, – ведь я сама открыла тебе дверь.

– Я твой работодатель, Фэнни Мэй? – с вызовом спросила Млисс Эбниз.

– Да, вы меня наняли.

По лицу Млисс скользнуло не поддающееся описанию выражение. Глаза сузились в щелочки.

– Очень хорошо, в таком случае приготовься исполнить обязательства...

– Секундочку! – вмешался Макки, придя в отчаяние. Почему она действует с такой стремительной напористостью? Почему в ее голосе явственно слышатся жалобные нотки?

– Гости не мешают хозяевам, – сказала Эбниз.

– Бюро само решает, когда надо вмешиваться! – жестко заявил Макки.

– У вашей власти тоже есть границы! – крикнула в ответ Эбниз.

Макки знал, что может последовать за этим высказыванием: нанятые оперативные сотрудники; гигантские суммы, потраченные на взятки и подкуп; заверенные врачами соглашения; договоры, разнесенные средствами массовой информации; рассказы о том, как правительство третировало добрую и гордую женщину, а затем воззвание к справедливости и попытки оправдать – но что? Насилие против него лично? Нет, едва ли, Макки так не думал. Более вероятно, что его попытаются дискредитировать, приписать ему какое-то преступное деяние.

Размышляя обо всем этом, Макки вдруг удивился: зачем он подвергает себя такой опасности? Зачем выбрал службу в Бюро? Потому что мне трудно угождать, сказал он себе. Потому что я саботажник по своему осознанному выбору. Назад дороги нет. БюСаб докапывается до сути, долго блуждает по закоулкам, но в конце концов всегда находит то, что ищет.

Сейчас Бюро предстояло вынести на своих плечах из беды почти всю сознающую вселенную. Это был тяжелый груз и очень хрупкий – испуганный, но и сам внушающий страх. Этот страх, ухватив душу Макки своими когтями, не желал его отпускать.

– Согласен, наши полномочия не безграничны, – прорычал Макки, – но я сомневаюсь, что вы когда-либо испытаете их на себе в полной мере. Итак, что здесь происходит?

– Вы не полицейский агент? – возмущенно крикнула Эбниз.

– Наверно, мне стоит вызвать полицию, – произнес Макки.

– На каком основании? – она победно улыбнулась. Она могла делать с ним все, что хотела, и прекрасно это знала. Ее адвокаты разъяснили ей суть пункта из статей Конфедерации сознающих: «Когда представители разных биологических видов официально соглашаются на сотрудничество, из которого они извлекают обоюдную выгоду, то судить об этих выгодах имеют исключительное право только стороны такого соглашения, при условии, что оно не нарушает законы, правила и установления, исполнять которые обязаны стороны соглашения; далее, исключительное право действует при условии, что означенное формальное соглашение было заключено добровольно и не влечет за собой нарушений общественного спокойствия».

– Ваши действия повлекут смерть этого калебана, – сказал Макки. Он не слишком уповал на этот аргумент, но он позволял выиграть время.

– Вам придется доказать, что концепция калебанов о разрыве непрерывности идентична концепции смерти, – возразила Эбниз. – Но вы не сможете этого сделать, потому что это неправда. Зачем вы вмешиваетесь? Это всего лишь безвредная игра двух дееспособных...

– Это нечто большее, чем игра, – перебил Эбниз калебан.

– Фэнни Мэй! – прикрикнула на него Эбниз. – Ты не можешь встревать в разговор! Это противоречит нашему соглашению.

Макки тупо уставился в том направлении, где угадывалось отсутствие присутствия калебана, стараясь прочесть эмоции свечения, противоречащего всем органам чувств.

– Различение конфликта между идеалами и устройством государства, – рассудительно произнес калебан.

– Именно, именно! – поддержала его Эбниз. – Меня уверили в том, что калебаны не испытывают боль, что у них нет даже определения для понятия боли. Если мне доставляет удовольствие постановка воображаемого бичевания и наблюдение реакции...

- Вы уверены, что Фэнни Мэй не страдает от боли? – спросил Макки.

По лицу Эбниз снова пробежала самодовольная улыбка.

- Я ни разу не видела ее страдающей от боли, а вы?

- Вы вообще видели, как она что-то делает?

- Я видела, как она приходит и уходит.

- Ты страдаешь от боли, Фэнни Мэй? – спросил Макки.

- У меня нет точки отсчета для суждения об этом понятии, – ответил калебан.

- Бичевания могут приблизить окончательный разрыв непрерывности? – Макки попытался зайти с другой стороны.

- Объясни «приблизить», – попросил калебан.

- Существует ли связь между бичеваниями и окончательным разрывом твоей непрерывности?

- Тотальные универсальные связи включают в себя все без исключения события, – невозмутимо ответил калебан.

- Я хорошо оплачиваю свою игру, – заговорила Эбниз. – Перестаньте вмешиваться, Макки.

- Как вы платите Фэнни Мэй?

- Это не ваше дело.

- Нет, это как раз мое дело, – сказал Макки. – Фэнни Мэй?

- Не отвечай ему! – крикнула Эбниз.

– Я ведь могу вызвать полицию и сотрудников свободного суда.

– Можете вызывать кого угодно, – на лице Эбниз снова появилась издевательская усмешка. – Вы, конечно, готовы ответить в суде на обвинение в воспрепятствовании осуществлению открытого соглашения между дееспособными представителями двух сознающих биологических видов?

– Я могу наложить временный судебный запрет, – парировал Макки. – Назовите ваш действующий адрес.

– По совету моих юристов я отказываюсь отвечать.

Макки с ненавистью посмотрел на нее. Да, она полностью его переиграла. Он не может обвинить ее в попытке скрыться от ответственности за преступление, пока не докажет сам факт совершения преступления. Для того чтобы доказать факт, надо начать судебное расследование, вручить ей соответствующие документы в присутствии понятых, доставить ее в суд и дать возможность встретиться с обвинителем. При этом на каждом этапе ее адвокаты будут вставлять ему палки в колеса.

– Предлагаю мое суждение, – вмешался в разговор калебан. – Ничто в нашем соглашении с Эбниз не препятствует раскрытию формы оплаты. Работодатель обеспечивает работника образовательными и просветительскими средствами и преподавателями.

– Преподавателями? – переспросил пораженный Макки.

– Ну, хорошо, – уступила Эбниз. – Я обеспечиваю Фэнни Мэй самыми лучшими учителями и инструкторами, а также лучшими учебными пособиями, какие может произвести наша цивилизация. Фэнни Мэй впитывает нашу культуру. Она получает все, о чем просит. И, знаете, это обходится мне недешево.

– И она до сих пор не понимает, что такое боль? – ехидно спросил Макки.

– Надеюсь, что я смогу определить точку отсчета и систему координат для этого понятия, – сказал калебан.

– Но будет ли у тебя время для определения точки отсчета? – спросил Макки.

– Время – это трудная для меня концепция, – ответил калебан. – Высказывание учителя для усвоения: «Важность фактора времени для обучения зависит от принадлежности обучающегося к тому или иному биологическому виду сознающих». Время характеризуется длиной, неопределенным свойством, называемым «продолжительностью», а также субъективными и объективными измерениями. Эта множественность создает путаницу.

– Давайте перейдем на официальный язык, – предложил Макки. – Эбниз, вы признаете, что убиваете этого калебана?

– Разрыв континуальности и смерть – не одно и то же, – возразила Эбниз. – Я права, Фэнни Мэй?

– Существует большой разброс соответствий между разными волнами бытия, – загадочно изрек калебан.

– Я задаю вам вопрос, как официальное лицо, Млисс Эбниз, – снова заговорил Макки. – Рассказал ли этот калебан, именующий себя Фэнни Мэй, о последствиях события, которое он сам называет окончательным разрывом континуальности.

– Вы же только что сами слышали, что эквивалентов не существует.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– А вы придираетесь к мелочам!

– Фэнни Мэй, – обратился Макки к калебану, – ты описывала Млисс Эбниз последствия...

– В соответствии с узлами соединения контракта, – ответил калебан.

– Вот видите! – воодушевилась Эбниз. – Фэнни Мэй соблюдает наше открытое соглашение, а вы беспардонно в него вмешиваетесь. – Она сделала знак кому-то невидимому в воронке люка перескока.

Отверстие внезапно увеличилось вдвое. Эбниз отошла в сторону, и теперь Макки видел только половину ее головы и один глаз. Позади, за спиной Эбниз, виднелась толпа сознающих, наблюдающих за происходящим. На месте Эбниз внезапно возникла гигантская фигура похожего на черепаху паленки. Под его телом мелькали сотни мелких ножек. В двупалой кисти единственной руки, растущей из макушки снабженной круглыми глазами головы, был зажат бич. Рука просунулась в отверстие люка перескока, преодолев его сопротивление, щелкнула бичом и нанесла удар по краю гигантской ложки.

Кристаллики зеленого свечения дождем рассыпались над местом призрачного пребывания калебана. Этот фейерверк продолжался краткий миг, а затем угас.

Из раструба туннеля послышался сладострастный стон.

Макки подался вперед, стараясь побороть свое потрясение. Люк перескока внезапно закрылся, отрубив руку паленки, сжимавшую бич. Оба предмета со стуком упали на пол. Рука некоторое время извивалась и дергалась, но движения ее слабели, а затем и вовсе прекратились.

– Фэнни Мэй? – окликнул Макки калебана.

– Да?

– Этот бич ударил тебя?

– Объясни, что значит «ударил».

– Он столкнулся с твоим веществом?

– В некотором приближении, можно сказать, что да.

Макки пододвинулся ближе к ложке. Он все еще ощущал недовольство и неприятное потрясение, но это могло быть вызвано побочным эффектом гневина и тем инцидентом, свидетелем которого он только что стал.

– Опиши ощущение от бичевания, – попросил он.

- У тебя нет референтных чувств.

- Но все же попробуй.

- Я вдыхаю субстанцию бича, а выдыхаю свою собственную субстанцию.

- Ты дышишь им?

- Можно с некоторым приближением сказать и так.

- Ну, хорошо... опиши мне свою физическую реакцию.

- У нас с тобой нет общих референтных точек.

- Ну, любую реакцию, черт побери!

- Бич несовместим с моим глссррк, и нет референтного понятия, на которое я могла бы опереться в объяснении.

- Что за зеленый туман возник, когда он тебя ударил?

- Что такое «зеленый туман»?

Прибегнув к определению длины волны и описав рассеянные в воздухе капельки воды, преломляющие свет с его расщеплением, Макки, как ему показалось, смог разъяснить смысл понятия.

- Ты наблюдал такой феномен? - спросил калеван.

- Да, я это видел.

- Это необычно!

Макки на секунду задумался, а потом оцепенел от пришедшей ему в голову мысли. Может быть, для калеванов мы так же бестелесны, как и они для нас?

Он задал этот вопрос вслух.

- Все существа обладают субстанцией, соотнесенной с количественной стороной их бытия, то есть материального существования, - ответил калебан.

- Но видите ли вы, калебаны, нашу субстанцию, когда смотрите на нас?

- Трудность базовая и фундаментальная. Представители вашего вида все время повторяют этот вопрос, но у меня нет возможности определенно на него ответить.

- Постарайся все же объяснить. Для начала расскажи о зеленом тумане.

- Зеленый туман - это неизвестный мне феномен.

- Но что это может быть?

- Возможно, это межплоскостной феномен, реакция на выдыхание моей субстанции.

- Есть ли предел количества субстанции, которую ты можешь выдохнуть?

- Количественные, квантованные отношения определяют ограниченность плоскости индивида. Движение и его момент существуют только между планарными, то есть плоскостными сущностями, которые непрерывно зарождаются. Движение же изменяет соотнесенность референтов.

- Значит, постоянных референтных точек не существует? Но они должны быть! - Он попытался обсудить эту проблему с калебаном, но с каждым вопросом и ответом они все меньше и меньше понимали друг друга.

- Но должно же в мире быть хоть что-то постоянное! - взорвался Макки.

- В связующих элементах есть аспект постоянства, которого ты ищешь, - сказал калебан.

- Что это за связующие элементы?

- Нет...

- ... референтных точек! - Макки в отчаянии закончил фразу за калобана. - Но зачем тогда использовать этот термин?

- Термин дает приближение. Касательное замыкание - это еще один термин, описывающий нечто похожее.

- Касательное замыкание, - тихо повторил себе Макки, а затем громче: - Касательное замыкание?

- Коллега калобан предложил этот термин после обсуждения проблемы с лаклаком, обладающим редкими знаниями.

- Один из вас говорил с лаклаком, да? Кто был этот лаклак?

- Идентичность не сообщена, но занятие известно и доступно пониманию.

- И какое же у него занятие?

- Дантист.

Макки тяжело перевел дух, сделал глубокий вдох, выдохнул и удивленно покачал головой:

- Ты понимаешь, кто такой дантист?

- Все виды, нуждающиеся в поглощении источников энергии, должны обладать способностью редуцировать эти источники в удобную для усвоения форму.

- Ты хочешь сказать, что они должны обладать способностью кусать? - спросил Макки.

- Объясни, что значит «кусать»?

- Мне показалось, что ты понимаешь значение слова «дантист»!
- Дантист – это тот, кто поддерживает в порядке систему, с помощью которой сознающие преобразуют источники энергии в удобную для поглощения форму, – сказал калебан.
- Касательное замыкание, – произнес Макки. – Объясни мне, как ты понимаешь замыкание.
- Соответствие друг другу родственных частей системы, образующей определенную форму.
- Мы находимся в тупике, – простонал Макки.
- Каждое существо где-нибудь да находится, – рассудительно заметил калебан.
- Но где? Где, например, находишься ты?
- Планарные взаимодействия необъяснимы.
- Давай попробуем зайти с другой стороны, – предложил Макки. – Я слышал, что вы умеете читать то, что мы пишем.
- Редуцируя то, что ты именуешь «писанием», к совместимым соединительным звеньям, можно осуществлять устойчивое во времени общение, – ответил калебан. – Это, конечно, не окончательное и не определенное суждение об устойчивости во времени и о требуемых связующих элементах.
- Ну, хорошо, давай обратимся к глаголу «видеть», – сказал Макки. – Скажи мне, что ты понимаешь под действием, совершаемым с помощью зрения.
- Видеть – это значит овладевать сенсорной осведомленностью о внешней энергии, – ответил калебан.

Макки обхватил лицо ладонями. Он ощущал невероятную подавленность и отчаяние. Мозг совершенно оступел от светящегося излучения этого калебана.

Какие, интересно, органы добывают эту сенсорную осведомленность? Макки понимал, что задай он этот вопрос, и калебан тотчас уведет его в очередную погоню за пустыми, ничего не значащими ярлыками.

Всю эту мешанину он мог бы с равным успехом слушать глазами или любым другим органом чувств, слишком грубым для того, чтобы выполнить задачу. Очень многое зависело от того, как он будет действовать дальше. Воображению Макки представилось безмолвие, которое наступит после смерти этого калебана – невероятное в своем величии пространство без сознающих существ. Останутся единицы, в основном маленькие, беспомощные, обреченные на гибель дети. Все добро, вся красота, даже все зло... все, присущее мыслящей субстанции... все исчезнет. Останутся лишь тупые, бесчувственные создания, никогда не пользовавшиеся люками перескока. Останется шум ветра, цвет растений, ароматы цветов, пение птиц – все это сохранится после того, как разлетится вдребезги хрустальная ваза разумности.

Это останется, но умрут мечты, увлеченные в пучину неминуемой смерти. Это будет тишина и безмолвие особого рода: исчезнет прекрасная речь, пронизанная острыми стрелами смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/frenk-gerbert/zhertvennaya-zvezda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)